

15 Новая форма IP-рейдерства, оспаривание санкций — юристы подвели итоги года на EPAM Litigation Day-2020

16 Поймай меня, если сможешь: как российский правопорядок решает проблему отсутствия траста

20 Бессмысленные связи: так ли полезны для юристов новые знакомства, конференции и комментарии в СМИ?

Отводы судей, дипломы юрфака и сплошная кассация

2019 год ознаменовался окончанием масштабной реформы законодательства о судопроизводстве, которую в юридическом сообществе многие окрестили «процессуальной революцией». «Ъ» узнал у юристов, какие новеллы они считают наиболее важными, какие проблемы остаются нерешенными и что еще следует изменить в российском процессе.

— итоги —

С 1 октября прошлого года вступили в силу изменения в Гражданский процессуальный и Арбитражный процессуальный кодексы РФ (ГПК и АПК). Задачи реформы — унификация и оптимизация судопроизводства, снижение нагрузки на судей и ускорение судебного разбирательства. Поправки широко обсуждались в юридической среде и вызвали самые разные отклики. «Ъ» попытался разобраться, какие изменения оказались в итоге наиболее полезными, а какие — как минимум спорными и как они повлияли на судебных юристов.

«Важный и полезный тектонический сдвиг»

Общей новеллой для АПК и ГПК стало введение так называемого образовательного ценза: теперь представителями в суде (за исключением мировых и районных судов) могут выступать лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Старший партнер КА «Юков и партнеры» Марк Каретин уточняет, что лица, которые до

вступления в силу поправок начали участвовать в деле в качестве представителя, подав иск или заявление, сохраняют свои полномочия вне зависимости от наличия требуемого образования.

Руководитель арбитражной практики юрфирмы Vegas Lex Виктор Петров характеризует новеллу как «важный этап в развитии процессуального законодательства РФ». Партнер юрфирмы ЮСТ Александр Болотин напоминает, что впервые та-

кое требование было введено по делам административного судопроизводства в 2015 году и тогда это был «аккуратный и консервативный шаг законодателя». Управляющий партнер АБ КИАП Андрей Корельский отмечает, что это «самая острая поправка», вызвавшая наиболее горячее обсуждение в профессиональном сообществе.

Так, советник судебно-арбитражной практики АБ «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры» Де-

нис Голубев полагает, что эта поправка по замыслу законодателя должна сделать судебный процесс «более профессиональным». «В значительной мере это вопрос бизнеса и имиджа юридической профессии, а оказание некачественной юридической помощи негативно сказывается на рынке услуг и бросает тень на все сообщество», — добавляет господин Болотин. С этой точки зрения, считает он, наличие юробразования «не столько гарантия качества,

сколько некий минимальный обязательный стандарт, которому должен соответствовать участник судебной деятельности, который позволит отсечь недобросовестных участников рынка». Он также уверен, что это следующий шаг на пути к адвокатской монополии.

Партнер практики по разрешению споров Bryan Cave Leighton Paisner Russia Иван Веселов, напротив, считает, что требование об образовании «не столько гарантия качества,

в суде диплом «добавляет лишь некие технические препятствия доступу к правосудию, но не делает сам судебный процесс более „профессиональным“»: «Это никак не влияет на избрание способа защиты и распределение бремени доказывания, которые как раз и должно было затронуть появление профессиональных представителей».

Второе место по накалу дискуссии/страстей занимает новый порядок рассмотрения отводов судьям: теперь в арбитражном процессе этот вопрос разрешает сам судья, которому заявлен отвод. Большинство юристов относятся к этой новелле негативно. «Это правило было заимствовано из других процессуальных кодексов, но правильнее было бы, наоборот, распространить на другие суды старую норму АПК», — указывает Иван Веселов. Марк Каретин называет это «одним из наиболее неудачных решений законодателя»: «Нарушается принцип Nemo iudex in propria causa („Никто не может быть судьей в собственном деле“). Если раньше удовлетворения заявлений об отводе были редкими, то сейчас их количество будет стремиться к нулю, так как судьи не будут сами рассуждать в своей заинтересованности». Денис Голубев тоже считает эту поправку спорной: «Отвод должен рассматривать председатель суда или его заместитель, иначе подменяется сама суть этого института».

Впрочем, Александр Болотин видит в этой «медали» две стороны. «В теории разрешение отвода единолично судьей, которому и был заявлен отвод, фактически уничтожило данный правовой институт. Удовлетворяя заявление об отводе, судья в действительности реализует свою обязанность взять самоотвод», — говорит юрист. Но на практике, указывает господин Болотин, все иначе: отвод судье редко бывает мотивирован, чаще всего он направлен на затягивание процесса либо связан не с заинтересованностью судьи, а с несогласием стороны с конкретным процессуальным решением (например, с назначением судебной экспертизы или отказом отложить заседание).

«Гонорар успеха — это краска, которая должна быть в палитре»

— прямая речь —

«Ъ» поговорил с топовыми представителями российского рынка юридических услуг о законодательных изменениях, повлиявших на судебную практику прошедшего года, тенденциях в области экономических споров и книгах, полезных судебному юристу.

Какие ключевые изменения законодательства и знаковые судебные споры повлияли на практику арбитражных судов в 2019 году?

Дмитрий Дякин, партнер, соруководитель судебно-арбитражной практики «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры»: — Основной наблюдаемый тренд — уход судов от формального подхода. Суды все чаще демонстрируют готовность оценивать сущность сделок, их равноценность, мотивы, реальных бенефициаров, а также наличие экономической цели при оспаривании по искам управляющих и кредиторов.

Григорий Захаров, управляющий партнер Orchards:

— Ключевым изменением следует признать состоявшуюся «процессуальную революцию»: новеллы законодателя в отношении арбитражных судов оказались направленными на переход от принципа «подведомственности» к принципу «компетенции». Кроме того, были внесены существенные изменения, коснувшиеся подтверждения полномочий представителей, реформирования групповых исков и пересмотра процессуальных сроков. При этом некоторые нововведения можно назвать негативными — к примеру, фактически нереализуемым при рассмотре-

Дмитрий Дякин

Григорий Захаров

Алексей Карпенко

Денис Рыбаков

нии арбитражных споров оказалось право стороны на отвод судьи.

По итогам 2019 года особую внимания заслуживает укрепление на уровне экомколлегии Верховного суда РФ правовых позиций об ответственности за недобросовестный выход из переговоров, о стандартах доказывания при рассмотрении заявлений о принятии обеспечительных мер, об окончательном пресечении попыток банкротного туризма, а также о допустимости предъявления требования об оспаривании сделки к децессионарию при ликвидации банкрота-цедента.

Алексей Карпенко, старший партнер Forward Legal:

— В 2019 году произошла «процессуальная революция»: в арбитражном суде в качестве представителей теперь выступают только профессиональные юристы, выросли размеры судебных штрафов, изменились правила взыскания судебных расходов. Верховный суд продолжил развивать институт субординированных требований аффилированных лиц в делах о банкротстве. Теперь один лишь факт аффилированности не будет основанием для отказа

во включении в реестр требований. Значительно выросло число дел по привлечению бенефициаров к субсидиарной ответственности, суды чаще стали накладывать арест на их имущество.

Денис Рыбаков, председатель коллегии адвокатов «Регионсервис»:

— Мой ответ будет состоять из двух частей. С одной стороны, в 2019 году произошли важные законодательные изменения, которые еще не успели отразиться на судебной практике. С другой — были и судебные дела, которые уже имеют, на мой взгляд, крайне важное значение. Как юрист, консультирующий крупный бизнес, в качестве законодательной новеллы я бы отметил федеральный закон от 12 ноября 2019 года №377-ФЗ, который наконец предоставил возможность в полной мере использовать достижения реформы корпоративного права — вносить в реестр юридических лиц сведения о нескольких директорах и совместном либо раздельном характере их полномочий. Несмотря на то что еще в 2015 году в ГК появились нормы, допускающие

наличие в компании нескольких директоров, в реестре было невозможно корректно «опубликовать» такую конструкцию. Реформа корпоративного права дала российским юристам современный инструментарий для тонкой настройки бизнес-структуры, установления в ней «системы сдержек и противовесов». Опция назначить двух директоров — это как раз про такую систему. Важно, что появились условия, при которых названный механизм реально работает. Как адвокат, я не могу не упомянуть федеральный закон от 2 декабря 2019 года №400-ФЗ, которым внесен ряд изменений в Закон об адвокатской деятельности и адвокатуре. Для лиц, прибегающих к помощи адвоката, то есть для наших клиентов, ключевое изменение касается гонорара успеха, который отныне является однозначно законным способом определения вознаграждения адвоката. У этого способа есть плюсы и минусы, однако, как и в случае с двумя директорами, это «краска, которая должна быть в палитре».

Что же касается значимых судебных споров, то назову не конкретные кейсы, а целые направления

судебной практики, развиваемые Верховным судом: субординация требований кредиторов и субординация в банкротстве. Насколько я понимаю эти вопросы и знаю складывающуюся в арбитражных судах ситуацию, говорить о сформировавшемся подходе пока рано. Это значит, что юристам, занимающимся банкротствами, к числу которых я и себя отношу, работать все так же сложно, но интересно.

Какой спор или группу споров из собственной практики 2019 года вы можете отметить в качестве значимых?

Дмитрий Дякин:

— В 2019 году я близко столкнулся с последствиями реформы крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Можно говорить о том, что практика по таким делам вновь только начинает формироваться. Эта категория споров ставит серьезные вопросы и проблемы как перед бизнесом, так и перед судебными юристами, сопровождающими такие споры. Например, внимания заслуживает п. 17 Обзора судебной практики ВС РФ от 25 декабря 2019 года, который говорит о возможной недей-

ствительности сделки и в том случае, когда она не причиняет убытков обществу, но не является разумно необходимой и может вредить несогласным участникам. Я убежден, что нам следует отказаться от такого подхода в пользу стабильности. Аналогично меня смущает категория «обычной хозяйственной деятельности», позволяющая в конкретных случаях признавать даже самую масштабную по суммам сделку некрупной. Такая тенденция дестабилизирует оборот.

Григорий Захаров:

— Прошедший год содержал огромный пласт интереснейших обособленных споров в банкротстве, среди которых выделялись защита крупной IT-компании от требований о привлечении к субсидиарной ответственности на сумму более 2 млрд руб., защита интересов частного банка от оспаривания многомиллиардных взаиморасчетов с крупной, но ушедшей в банкротство строительной группы и, разумеется, субординация требований аффилированных кредиторов. Сразу два обособленных спора по субординации, которые на разных этапах вела наша команда, обсуждались на различных юридических площадках и нашли отражение в январском обзоре практики Верховного суда РФ.

Крайне любопытным и динамичным получился проект в интересах банка, входящего в российский топ-3 по размеру активов, по защите от исков бывших бенефициаров уникального релъссосарочного предприятия. Этот проект имел в себе как арбитражное, так и общеправовое направление, и именно последнее по совокупности факторов таило наибольшую опасность и риск многомиллионных выплат в виде премий и «золотых парашютов».